

Размышления над новой книгой

© 1993 г.

Ж.Т.ТОЩЕНКО

УПРЕКАТЬ РУССКИХ В ИМПЕРСКИХ ЗАМАШКАХ СОМНИТЕЛЬНО.

Участвуя в дискуссиях по проблемам нынешних национальных коллизий и потрясений, я неоднократно задавал собеседникам вопрос: «Как Вы думаете, когда начался процесс вытеснения русского населения с территорий союзных республик?» Можно сказать, что в 90% случаев из 100 я слышал неправильные ответы, хотя знал, что эти проблемы очень волнуют участников как стихийных, так и запланированных обсуждений. Чаще всего ошибки объяснялись нынешними противоречиями. И, практически никто не вышел на данные, приведенные в рецензируемой монографии¹: процесс уменьшения русскоязычного населения в бывших союзных республиках начался во второй половине 60-х годов, а пальму первенства здесь держит Грузия (с. 19).

Таких открытий — больших и малых — в рецензируемой книге множество. И неудивительно. Перед нами уникальное по замыслу и исполнению исследование. В течение двух десятилетий ученые Института этнологии и антропологии РАН (бывшего Института этнографии) проводили крупномасштабные, представительные этносоциологические изыскания, которые и послужили основой для весьма добротного анализа.

В монографии обобщена огромная информация о том, что составляет главный предмет этносоциологии, а именно «современная жизнь народов: их социальная структура и мобильность, перемещения, социальные аспекты их трудовой, культурной и бытовой жизнедеятельности, этнические особенности психологии и межнациональные отношения» (с. 3). То ли в силу значения судьбы, то ли в силу величины народа (он-де, не нуждается в защите), то ли в силу пренебрежения к вроде бы очевидным фактам, но русским меньше всех повезло. О ком только не писались книги, эссе, статьи, очерки. Но меньше всего о русских. Нынешнюю волну интереса к русскому населению, к российской истории, русской культуре я в расчет не беру: пока в ней очень много конъюнктурного, вкусового, предвзятого и мало научного, достойного глубокого осмысления.

Эту брешь в значительной степени восполняет данная книга. Будучи итоговым результатом исследования по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития, наций», она обозначила место русских в этнических процессах, происходивших в нашей стране. Теоретическая и практическая значимость этносоциологического исследования базируется на осмыслении огромного массива данных, статистически представительной информации о русском населении СССР. В рамках программы проводился опрос в городах и селах РСФСР (Москва, Саратовская и Тверская области, Краснодарский край), а также в Узбекистане, Грузии, Молдове и Эстонии.

Не пересказывая содержания работы, хочу остановиться на вопросах, значение которых для этносоциологии и всей социологии трудно переоценить. Хотя авторы считают, что материалы очерков не претендуют на полное и всестороннее раскрытие этносоциологических проблем, связанных с русским народом, новизна и фундаментальность анализа в самом хорошем смысле производят сильное впечатление.

Подходить к разбору научного исследования можно по-разному. Из всех вариантов мы избираем проблемный. И первую проблему сформулируем так: а была ли Россия империей, было ли имперское сознание у русского населения? Такая постановка вопроса тем более важна, что Россия и соответственно русские (в других республиках все русскоязычные) сегодня нередко оцениваются скажем так, с «несимпатичных позиций». Анализируя особенности формирования русского народа, авторы склонны трактовать распространение русских переселенцев и масштабы их миграции скорее как естественно-исторический процесс. За 30 лет, предшествующих революции, на юг европейской части России мигрировало 11 млн. человек, в восточные районы — А—5 млн. К началу XX века это выразилось в ежегодных перемещениях на юг и восток до 200 тыс. человек (с. 17).

¹ Русские (этносоциологические очерки) / Отв. редактор Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992. 464 с.

С теми или иными особенностями этот процесс продолжался и в советское время: до конца 50-х годов удельный вес русских в населении союзных республик возрастал. Однако уже 60—80-е годы характеризовались иными тенденциями: за исключением Украины, Беларуси, прибалтийских республик и Молдовы доля русского населения в остальных республиках стала сокращаться.

Если обобщить демографическое поведение русского населения, то можно сделать вывод, что оно оказалось наиболее мобильным. Во-вторых, русские (наряду с украинцами) были первыми, в социальном составе которых стало преобладать городское население. В-третьих, русские оказались наиболее отзывчивыми на процесс освоения новых экономических районов. Иначе говоря, государственная политика по формированию индустриальной мощи страны в основном базировалась на резервах русского населения.

Нужно отметить и такой факт: потребность в русских кадрах служила выражением не экспансии, а нужд народного хозяйства, на которые русские активно откликнулись, осваивая новые перспективные профессии и виды деятельности, требующие не только высокого уровня квалификации, трудовых навыков, но и общей культуры, широкого кругозора, творческого типа мышления (с. 110).

В этой связи упрекать русских в имперских замашках более чем сомнительно. Это особенно наглядно подтверждает пример Эстонии. Пришедшее в послевоенный период русскоязычное население, кроме восстановления разрушенного хозяйства, послужило хребтом новых производств, составивших экономический потенциал республики. Так, в Прибалтике доля работников индустриальных отраслей среди местного русского населения в конце 80-х годов достигла 55—60% (с. 99). В то же время русское население в значительной мере выполняло неквалифицированный и малоквалифицированный труд. И это касалось не только старшего поколения. Исследования в Грузии и Эстонии показывают, что русская молодежь здесь раньше начинала работать, позднее приобретала дипломы вузов и техникумов, чем молодые люди грузинской и эстонской национальностей (с. 130).

Метаморфозы с русскоязычным населением, в большинстве своем поддержавшем демократические силы Эстонии, более чем удивительны: оно расплачивается за ошибки и преступления государственных мужей. О каком имперском сознании и поведении русских может идти речь, если социальный статус «старшего брата» часто был ниже, чем у «младшего»?

Вторая проблема — роль русской интеллигенции. Если в 20—30-е годы основными группами интеллигенции были административно-управленческие, непроизводственные и производственные служащие, то к 70-м годам самой многочисленной стала производственная интеллигенция. Более того, группа производственной интеллигенции была единственной, в которой русские в той или иной мере «опережали» лиц коренных национальностей (с. 122).

Что касается педагогической, научной, художественной интеллигенции, то в этих группах представительство русских сокращалась. Данные исследований доказывают лживость современных измышлений о господстве российской интеллигенции во всех без исключения слоях и тем более о каких-то преимуществах по сравнению с другими народами.

В 80-е годы русское население по относительной численности научных работников занимало среди других союзно-республиканских наций четвертое место, по числу преподавателей вузов и техникумов — двенадцатое, по доле докторов и кандидатов наук — седьмое (с. 126).

Не выдерживает критики и утверждение о каких-то преимуществах русских среди административно-управленческой интеллигенции. В конце 80-х годов, например, в Молдавии на 10 000 молдаван (занятое городское население) приходилось в 1,4 раза больше работников государственного управления, чем у русских, живущих в Молдавии. В Грузии разница была еще заметнее — в 2,5 раза (с. 127).

Еще более разительной становится диспропорция, когда анализируется состав художественной интеллигенции. По относительной численности работников литературы и искусства русские из РСФСР занимали 12-е место. Среди латышей, эстонцев, грузин, киргизов (в своих республиках) доля работников этой важнейшей культурной отрасли превосходила соответствующие показатели у русского населения России в 2—3 раза (с. 128).

Третья проблема — судьба русской культуры, или в более широком контексте — этносоциальные аспекты культурной и языковой жизни. Авторы обратили внимание на угасание субэтнических культур русских, на нивелирование и усреднение многообразных проявлений национальной — народной и профессиональной — культуры при росте (вот парадокс!) их этнического самосознания.

Русским не свойствен экстремизм в отношении к собственной культуре и к культуре других народов. По своим ориентациям они занимают среднюю позицию (с. 263) в сравнении с другими народами, в то время как в Эстонии, Узбекистане и Грузии оценки и отношение к культуре своего

народа резко превалируют в сравнении с аналогичными показателями у русских (с. 275). Иначе говоря, и здесь у русских нет имперского сознания, даже подспудно, наоборот, они постоянно демонстрируют свое стремление к взаимосогласованным решениям. Однако исследователи отмечают, что события конца 80-х годов привели к подъему русского национального самосознания: он начался со столицы, а позже распространился на провинцию. Очень интересен и вывод, который продемонстрирован при анализе конкретной ситуации: «в Эстонии в условиях открытого политического диалога представителей русского и эстонского народов национальное самосознание русских (и эстонцев) в большей мере связано сейчас с идеологией и сферой практических политических интересов, чем с национальной культурой» (с. 275).

На наш взгляд, действительность начала 90-х годов подтверждает вывод что «национальная» упаковка политических интересов стала доминантой в поведении новых политических элит. Это тем более показательно, что уровни ориентации на собственную национальную культуру у русского населения России и в республиках практически не отличаются от установок на национальную культуру других народов.

Очень интересен вопрос о двуязычии русских. Вокруг него много сломано копий, что не удивительно, ибо речь идет о судьбе почти 25 млн. русских, оказавшихся в ближнем зарубежье. Особенно остро, стоит вопрос в прибалтийских республиках. И, конечно, бедой (но не виной) русскоязычного населения является слабое приобщение к языку тех народов, среди которых они живут. Между тем, благотворность двуязычия несомненна. «Люди в двуязычной ситуации... положительно реагируя на двуязычие русских, сами получают при этом дополнительное убедительное доказательство равнодействия языков, всех типов двуязычия» (с. 287). Исследователи отмечают, что самый высокий удельный вес двуязычных русских (в иноэтнической среде) зафиксирован переписью 1970 г. среди молодежи (с. 289). К сожалению, внимание к этому процессу ослабло: ^ последующие годы им мало интересовались, что и привело к усилению недоверия к русским в процессе межличностной коммуникации.

Анализируя процессы функционирования национальной культуры и национального самосознания, авторы вышли на интересную Проблему, которая во многом объясняет современное поведение представителей практически всех наций, в том числе и русских. Речь идет об этнической идентификации, о том, что она объективно выходит на первое место по сравнению с профессиональной, социальной и другими видами идентификации.

В книге показывается, как шел процесс постепенного роста национального самосознания, которое у русских, по сравнению с аналогичными показателями у эстонцев и грузин, было менее развито (в 3—5 раз) (с. 399). Первым пробудилось историческое самосознание, затем стал отмечаться рост интереса к народной культуре. Вместе с тем нельзя не отметить, и это авторы показывают, что *t* всплеску национального самосознания русских способствовали два принципиальных момента: небывалый подъем национальных движений и межэтнические конфликты, затрагивающие интересы русского населения; обострение социально-политической конфронтации в стране (с. 406—407).

И наконец, хотелось бы сказать еще об одной острой проблеме, которая сказывается на судьбе миллионов людей. Речь идет о смешанных семьях и браках, численность которых в течение всей российской истории постоянно возрастала. Что касается российской семьи, то лишь начиная с 60-х годов медленно, но верно начинает восстанавливаться преемственность поколений наряду с тем, что среди русского населения нуклеарная семья стала массовым явлением (с. 1527) Она социально неоднородна, муж и жена принадлежат к различным социально-профессиональным группам. После многочисленных попыток придать семье более открытый характер с ярко выраженными общественными функциями стало очевидно, что естественно-исторический процесс ведет к индивидуализации семьи, ибо поведение людей все больше определяется личными интересами.

Особый процесс представляет анализ национально-смешанных браков, ибо они сейчас испытываются на прочность. Число таких семей постоянно росло: в 1959 г. их было 5,2 млн. (каждая десятая семья), а в 1989 г. — 12,8 (каждая шестая). При этом город опережал село. Различным было число смешанных браков по республикам: от 16% в Киргизии до 28,9% в Латвии (с. 195).

Ослабление механизмов внутриэтнического социального контроля за подбором брачного партнера, ведущее к росту межнациональных браков среди русских, похоже начинает изменяться в ситуации, продиктованной трагедией межнациональных конфликтов. Через многие семьи прошла та линия, которая разделила ряд народов на противоборствующие стороны. Очевидно, что межнациональные браки и семьи проходят период тяжелых испытаний, которые влияют на изменение демографического поведения молодых мужчин и женщин. Особое место занимает анализ роли русских

женщин, которые во многом взяли на себя миссионерскую функцию, олицетворяя все то прогрессивное, что связано с традициями, обычаями и культурой русского народа.

Прочтя книгу, не можешь избавиться от впечатления огромной работы, проделанной исследователями в 60—90-е годы. Можно, конечно, сказать, что в ряде мест книга перегружена деталями, что некоторые положения требуют дополнительной проверки. Но в целом это не отменяет того факта, что этносоциология обогатилась фундаментальным исследованием.

Конечно, сейчас в стране сложилась принципиально новая ситуация, серьезно отличающаяся от той, что была несколько лет назад. Подход к изучению русского населения как в России, так и в ближнем зарубежье требует внесения существенных корректив. Но, несомненно, и то, что базой для дальнейших исследований послужит рецензируемая работа, охватившая практически все стороны жизни русских. Думается, эта работа послужит эталоном добросовестности для тех, кто посвятил жизнь благородному и сложному делу — исследованию этносоциологической специфики народа, составляющего стеновой хребет обновленной Российской Федерации.